

История создания Далматовского музея-монастыря

«По инициативе В.П. Бирюкова, директора Шадринского Научного хранилища, в 1921 году началась многолетняя кропотливая работа по сохранению Далматовского монастыря – памятника русской архитектуры и бесценных его сокровищ от уничтожения и расхищения. 26 февраля 1921 г. В.П. Бирюков получил Удостоверения Екатеринбургского отдела Губнаробразованиа с правом «принятия мер по охране древностей г. Далматова и созданию там соответствующего музея», все организации, учреждения должны «оказывать ему всяческое содействие в осуществлении возложенного на него поручения». В марте по рекомендации П. Белоусова, председателя Далматовского сельскохозяйственного кредитного Товарищества был принят на должность заведующего будущего музея В.А. Карпинский («самый подходящий для нас человек – человек науки»). В это время на территории монастыря уже хозяйничало сельскохозяйственное кредитное Товарищество, располагался госпиталь, детский дом. Бирюков энергично берется за освобождение монастырских помещений, но... 31 марта Губполитпросвет уведомил его, «занятие монастыря коммуной допустимо с непременным условием охраны памятника». В мае месяце было найдено помещение под создаваемый музей – освободил помещение госпиталь, о чем зав. музеем В.А. Карпинский уведомил Бирюкова В.П. Но еще ранее, 25 апреля, он же, Карпинский, в отчаянии шлет в Научное хранилище телеграмму: «Категорически прошу освободить меня от должности хранителя Далматовского музея. Квартиры музея и хранителя Укомхоза нет. Семья три недели без квартиры. Больше нет сил. Дальнейшая работа тоже невозможна. Жду немедленного утвердительного ответа. Хранитель музея Карпинский». Решение квартирного вопроса не предотвратило всех жизненных проблем хранителя музея. В. Бирюков в июле шлет в Губполитпросвет письмо: «Научное хранилище как организатор музея в г. Далматова просит Губполитпросвет в самое непродолжительное время обеспечить бронирование пайком хранителя музея Карпинского Владимира Алексеевича, иначе работа в музее может прекратиться, так как он и его семья голодают».

В монастыре же в это время было много беспорядка. Беспокойное детское общество доставляло много хлопот, хотя под детский дом была отведена лучшая вся восточная половина южного корпуса – 33 комнаты, «все комнаты вполне исправны, рамы везде двойные», детдому принадлежал «сарай, крытый железом, размером 10х10 сажений, деревянная прачешная, забранный заплотом в столбы огород».

Усугублялось положение тем, что в стране разворачивалась кампания по изъятию церковных ценностей. Под грифом «совершенно секретно» в Шадринский Уком пришло обращение секретаря Губкома: «Уважаемые товарищи!.. Изъятию подлежит абсолютно все, что может быть реализовано в пользу государства: золото, серебро, камни, шитье, в чем бы эта ценность не заключалась, в вещах ли церковного обихода, в ризах или в чем-нибудь

другом. Вещи сомнительного металла брать для определения их ценности в Уфиноотделе. Всякого разговора об оставлении вещей, необходимых для совершения религиозных обрядов, избегать, ибо для этого не обязательно иметь вещи из ценных металлов... и т.п.».

Под таким же грифом была прислана Инструкция уполномоченным по изъятию церковных ценностей:

п. 8 гласил: «Наличность ценных вещей устанавливается осмотром церкви и описей, которые в каждой церкви должны иметься.

п. 9. Если нет некоторых вещей, значащихся в описи, комиссия составляет акт и через уездную комиссию препровождает её в Ревтрибунал для привлечения виновных за расхищение...»

На состоявшемся объединенном заседании Шадринской уездной комиссии помощи голодающим и Шадринской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей, совместно со священнослужителями церквей г. Шадринска 26 апреля 1922 года была принята Резолюция, в которой участники заседания призывают «... к быстрому и безоговорочному проведению Декрета Совнаркома в жизнь...».

Подписали резолюцию пред. Помгола Шубин, председатель комитета по изъятию ценностей В. Орлов, священник Спасо-Преображенского собора Фаворитов, диакон собора Наумов, священники Флоро-Лаврской церкви Сустанов и Епишин, священник Покровской церкви Киселев, священники Владимирской церкви Гирский и Вл. Епишин, диакон Владимирской церкви Архипов.

Владимир Павлович предпринимает меры к тому, чтобы превратить весь монастырь в музейный комплекс. И ему это удастся. 16 сентября 1922 г. «заслушав сообщение директора Научного хранилища Бирюкова о целях, задачах и плане государственной охраны церковно-археологических и художественных имуществ в Екатеринбургской губернии, Екатеринбургское Епархиальное управление сообщает Губмузею, что оно относится к этому плану с полным доверием и благожелательностью и обещает свою посильную поддержку к проведению его в Екатеринбургской Епархии».

В свою очередь Президиум Екатеринбургского Губернского Исполкома своим решением № 8319 от 22 сентября 1922 г. постановил: «Проект о реорганизации музея в музей-монастырь и положение о нем утвердить». А в октябре в Шадринское Научное хранилище пришла телеграмма: «Губисполком сейчас утвердил музей-монастырь. Клер». По идее с этой поры имущество монастыря должно служить только для нужд музея. Музей-монастырь был переведен на хозяйственный расчет.

В это время заведовал музеем Николай Ярыщук, правда, недолго. Далматовский волисполком обратился в Шадринский уездно-городской исполком на него с жалобой: «...заведующий музеем... занял в здании музея цельную комнату портретами монахов... в монастыре проживает около десятка живых портретов, которых тоже бы не мешало выгнать из монастыря... Ярыщук срубил несколько больших берез в монастырском саду...», просит убрать с должности, назначить более опытного.

3 октября 1922 года в газете «Трудовая правда» опубликована статья В.П. Бирюкова «Далматовский музей-монастырь», в которой, наряду с повествованием о монастыре, Владимир Павлович ставит на защиту действий заведующего музеем Н. Ярыщук: Ярыщук – член Союза Молодежи, березу он вырубил сухостойную с ведома Научного хранилища, а в комнате всего два монашеских портрета – основателя монастыря Далмата и еще одного – игумена».

Наконец, в конце этого года была достигнута договоренность с сельскохозяйственным кредитным Товариществом – заключен договор.

ДОГОВОР

«1922 года декабря 10 дня мы, нижеподписавшиеся: с одной стороны директор Шадринского Научного хранилища В.П. Бирюков, как ведающий охраной всех церковно-археологических имуществ в Шадринском уезде, а с другой стороны Председатель Правления Далматовского с/х кредитного Товарищества Павел Михайлович Белоусов заключили настоящий договор в следующем:

1. Далматовское с/х кредитное Товарищество берет в свое пользование в г. Далматово б. монастырь со всеми хозяйственными, земельными и жилищными угодьями, включая сад, огороды, задний двор и исключая большой двухэтажный корпус (Успенский собор – *А.А. Пашков*), сроком на 12 лет.
2. За это пользование Товарищество обязуется охранять все без исключения сооружения, находящиеся на бывших монастырских участках; в отношении церковных зданий и большого корпуса – путем общего надзора, своевременно доводя до сведения комитета по охране музея о необходимости для них ремонта.
3. Товарищество имеет право беспрепятственно пользоваться всеми взятыми помещениями для тех или иных целей с тем условием, чтобы это пользование не шло в разрез с санитарией, красотой и благоустройством музея-монастыря, – вне крепостных стен Товарищество беспрепятственно возводит разные сооружения и организовывает в них те или иные предприятия, предварительно доведя о плане и задачах новых построек до сведения Шадринского Научного хранилища.
4. Товарищество обязуется в течение первого полугодия 1923 г. очистить все помещения и дворы монастыря от скопления нечистот и мусора, следя впредь за надлежащим санитарным состоянием всего вышеперечисленного, а равно немедленно доводя до сведения комитета по охране о всех монастырских беспорядках, допускаемых жильцами большого корпуса.
5. Товарищество обязуется в течение 3-х лет в счет аренды обставить Далматовский музей необходимыми витринами числом не менее 12, сооруженными по образцу Научного хранилища с общей площадью стекла (белого) в 50 листов, размера 22 кв. м.
6. Товарищество обязуется содержать за свой счет одного хранителя музея-монастыря, оплачивая его труд, приравливаясь к оплате труда

- Далматовских просвещенцев с представлением ему квартиры в стенах монастыря.
7. Товарищество в счет арендной платы дает на канцелярские расходы музея: на телеграммы до 50 слов, писем 50, карандашей – 6, перьев – 12, флакон чернил – 1.
 8. Товарищество дает заведующему музея ежегодно одну поездку в Екатеринбург и 4 – в Шадринск.
 9. Товарищество по нужде музея-монастыря отчисляет 10 % чистой прибыли от урожая, на используемых под посевы земельных угодий монастыря.
 10. За невыполнение в срок назначенных обязательств Товарищество уплачивает в кассу музея двойную стоимость расходов, причитающихся быть произведенных своевременно.
 11. В конце аренды Товарищество обязуется сдать Шадринскому Научному хранилищу арендуемое в целости.
 12. Товариществу предоставляется преимущество на получение в пользовании монастыря на следующий арендный срок.
 13. В случае нарушения Договора Шадринским Научным хранилищем в смысле передачи аренды другому лицу, учреждению, организации или для своих нужд Научное хранилище по предоставленным счетам Товарищества на ремонт, оборудование, охрану и пр. монастырем повинно уплатить полностью».

Печать. Договор подписали Бирюков и Белоусов, а удостоверил его зав. нотариальным столом по Шадринскому уезду.

Новый 1923 год ознаменовался передачей музея-монастыря Н.М. Ярышуком новому заведующему Ивану Андреевичу Иванче. К этому времени все экспонаты были сложены частью в Дмитриевском храме, частью в Христорожественском. Особо ценным экспонатам «из благородных металлов» был составлен список, за подписью заведующего Иванчи и состоял из 27 предметов.

Под музей предназначался Дмитриевский храм – северный придел Успенского собора, что было не очень удобно – освещение – с северной стороны, да и мал по размерам.

В январе 1923 года в монастыре побывал протоиерей Н.В. Пенкевич, который в письме к В.П. Бирюкову свидетельствовал, что в стенах обители находились музей, библиотека, приют и кооператив. Монастырские храмы находились на попечении старца протоиерея Черемухина и церковно-приходской общины. «Ранним утром зашел в старый монастырский храм: сыро, мрачно, неопрятно, в алтаре гнусит какой-то монах, а два других монаха козлят на клиросе, изображая певчих». Пенкевич просит назначить его на должность заведующего музеем, так как имеет духовное семинарское образование и светское – окончил Варшавский университет. Добровольный осведомитель не раз сообщал В.П. Бирюкову о жизни в монастыре, всячески пороча священнослужителей. В письме от 23 февраля он пишет: «20 и 21 февраля 1923 г. был в Далматове. Положение дел таково (с издевкой – А.А. Пашков): Маврикий со всем своим скарбом, двумя коровами – двумя дамами,

старцем Филаретом и прочей рухлядью на 5 подводах оставил монастырь и базой своего пребывания избрал слободу – Далматов... Заходил я в монастырский храм, картина все та же. Служит нелепым голосом А. Гвоздев, на клиросе 4 козла монашеской складки во главе с Исаакием, 5 старух у колонн испускают покаянные вздохи». Сообщил, что еще служит Черемухин, а Епархиальные власти назначили Гвоздева приходским священником. Утверждает также, что ни Черемухину, ни церковному совету «совершенно не интересна участь этой упраздненной обители». Подпись: «Санитар, наблюдатель Красномышльской волости Пенкевич». <...>

По рекомендации В.П. Бирюкова в музее-монастыре 13 сентября 1923 года создается комитет по охране монастырских ценностей. Председателем избрана Понамарева А. Н.

Шадринским Научным хранилищем была разработана инструкция, определяющая порядок управления и охраны Далматовского музея-монастыря следующего содержания:

1. Заведующий музеем-монастырем следит за сохранностью всего научного и хозяйственного движимого и недвижимого имущества, составляет ему описи и делает по ним периодические проверки, независимо от того, кто бы означенным имуществом по договору или иному соглашению ни пользовался.
2. Заведующий наблюдает за целостностью всех древесных насаждений на усадьбе монастыря, не допускает их порчи, составляя на нарушителей этого протоколы и решительным образом удаляет из монастырской ограды всякого рода скот, включительно до ареста его и препровождения в милицию со взиманием штрафных денег.
3. От всех временно пребывающих и постоянно живущих на усадьбе музея-монастыря заведующий требует соблюдения чистоты и порядка, своевременной очистки нечистот и мусора с составлением милицейских протоколов на неподчиняющихся и препровождением этих протоколов в народный суд для преследования.
4. Заведующий собирает коллекции по монастырской старине и организует в стенах монастыря музей местного края, открывая его для бесплатного обозрения с 10 до 2-х часов ежедневно, кроме понедельников.
5. Комитет по охране музея-монастыря заботится о действительной охране всех музейно-монастырских имуществ, изыскивает средства на ремонт и содержание их, определяет способы наилучшего использования научных материалов в целях научных и культурно-просветительных, заинтересовывая в том местное население путем организации экскурсий, чтений лекций, объяснения музейных материалов и т.д.
6. Комитет собирается не менее одного раза в месяц, в частности в начале каждого месяца, когда заслушивается отчет заведующего о состоянии музея-монастыря за истекший месяц, а в конце года – за истекший год, когда рассматриваются и сметные предположения на предстоящий год. Всем заседаниям комитета ведется книга протоколов. Комитет имеет право назначать срочные ревизии путем комиссий в составе не менее трех

человек, направляя протоколы означенных комиссий в Научное хранилище.

Директор Научного хранилища Бирюков.

За секретаря Чиркова.

Вызвано это было, видимо, стремлением сохранить высокоценное имущество монастыря. А рьяных расхитителей и уничтожителей религиозных реликвий было немало и не только среди темных неграмотных лиц, но и среди власть предержащих. И.А. Иванча оказался, по сути, один, кто противостоял различным учреждениям, вносящим осложнения в работу музея. Далматовское с/х кредитное Товарищество, детский дом, дом престарелых, Далматовский волисполком претендовали на монастырское имущество и его владения. Председатель Правления кредитного Товарищества П.М. Ножков ночью с револьвером в руке помогал вывозить проданное им имущество с территории монастыря. Уличенный в краже, Ножков пытался подкупить Ивана Андреевича, предлагая выплатить жалование, которое тот не получал уже 5 месяцев.

В сентябре 1923 г. был пересмотрен договор с/х кредитного Товарищества с Научным хранилищем в лице председателя Правления П.Н. Ножкова и директора Научного хранилища В.П. Бирюкова. Кредитное Товарищество берет в свое пользование находящиеся на ограде музея-монастыря:

1. Корпус у северных ворот, 2-х этажный, покрыт железом... (идет подробное описание).
2. Кузницу каменную без полов...
3. Мастерские – кузнечная, слесарная, столярная...
4. Два крайних (на запад) отделения в каменном складском помещении.

Товарищество обязуется содержать и возвратить указанные выше помещения в целости и сохранности, не допуская переделок и перестроек без ведома Научного хранилища, обязуется ежемесячно, не позднее 20 числа выдавать 12 пудов доброкачественного и чистого зерна пшеницы заведующему музеем-монастырем в качестве жалованья.

Товарищество дает четыре подводы бесплатно для перевозки музейного имущества из Далматова в г. Шадринск. Договор вступал в силу с 1 сентября, а договор от 10 декабря 1922 года признавался недействительным. Сохранился список книг, вывезенных из монастыря в Шадринское Научное хранилище: 1-я партия – 77 книг, 2-я – 167 книг, 3-я – 107 книг.

Волисполком вывез часть имущества для своих нужд, а в ноябре 1923 г. потребовал освободить помещения, сданные музеем в аренду, для вновь переведенных в монастырь трех детских домов. 13 января 1924 г. Президиум Шадринского Окрисполкома постановил: «Помещение Далматовского монастыря, занимаемое музеем, должно быть передано в распоряжение заведующего детским домом, за музеем лишь остается церковь при монастыре»; а всю «музейную дребедень» с помощью милиции и рабочих свалили в придельную Дмитриевскую церковь. Далматовский райисполком

пошел еще дальше: 16 марта 1924 г. Президиум означенного исполкома постановил: «Все монастырские здания считать коммунальными, музей как совершенно ненужный на месте, перевести в Шадринск, а заведующего как политически неблагонадежного, дискредитирующего местную власть, уволить со службы».

24 апреля на имя директора Научного хранилища поступило заявление: «Правление Товарищества просит Вас сделать распоряжение церковному совету Далматова монастыря о снятии крестов и икон с помещений арендуемых кредитным Товариществом», а через три дня, 27 апреля, о снятии крестов и икон со святых северных ворот. И надо полагать, такие указания были даны. Положение усугублялось тем, что по всей стране стали создаваться так называемые «Союзы безбожников», члены которых активно занимались антирелигиозной пропагандой: внедряли новые обряды, вместо крестин устраивали красные октябрины, христианские праздники заменялись новыми революционными и тому подобное. Местную печать заполнили статьи и заметки, направленные против религии, в клубах ставились антирелигиозные пьесы. Глушение над церковью приняло характер государственной политики. В таких-то нелегких условиях В.П. Бирюков хлопочет о закреплении музея-монастыря за Научным хранилищем.

В 1925 г. Далматовский музей-монастырь стал филиалом Шадринского Научного хранилища. «...В связи с состоявшимся Постановлением Центральной межведомственной Комиссии от 8/IV 1925 года о закреплении... бывшего Далматовского монастыря, являющегося историко-художественным памятником XVII в., доводит до вашего сведения, что таковой признано Главнаукой наиболее целесообразно прикрепить в качестве филиала к Шадринскому Научному хранилищу в целях идеологического и научного руководства музейной работой указанного монастыря. Содержание этого филиала должно быть отнесено на средства, получаемые от эксплуатации владений и построек музея-монастыря.

Зав. Главнаукой Петров, зав. музейным отделом Троцкая».

В январе в Шадринское Научное хранилище пришло подтверждение о владениях музея-монастыря: «На ваш запрос музейный отдел Главнауки сообщает, что постановлением Центральной Межведомственной комиссии от 8.04.1925 г. за отделом закреплена вся усадьба б. Далматовского монастыря в количестве 143 199 кв. м. В состав земельного участка входит «Телятник» мерою 66 150 кв. м. и все хозяйственные постройки, как указанная территория, так и хоз. постройки, зафиксированные и представленные Вами схеме, утвержденной местной комиссией.

Зав. муз. отделом Н. Троцкая».

Но и это не помогло. Совнарком РСФСР принял решение: «Исключить из состава закрепленного за музейным отделом Главнауки имущества бывшего Далматовского монастыря часть построек, расположенных за пределами Кремля».

И.А. Иванча старался всячески тормозить передачу имущества, за что получал предупреждения от местных властей и угрозы по привлечению его к

уголовной ответственности. А Президиум Шадринского Окрисполкома на своем заседании 31 марта 1926 года (Протокол № 81) в параграфе 30 записал: «Принимая во внимание, что в б. Далматовском монастыре имеются жилые помещения не представляющие памятников старины, поручить Окрместхозу войти в ходатайство через Облисполком в Главнауку и Наркомпрос о безвозмездном предоставлении этих построек, как имущество местного значения, в ведение Далматовского Райисполкома». Принято по ходатайству Окровоенкомата о предоставлении построек б. Далматова монастыря для учебного пункта.

Заседание Президиума Шадринского исполкома 23 июня 1926 года свидетельствовало: § 21 п. 1. Из имущества взятого на учет в бывшем Далматовском монастыре часть строений и имущества на сумму 166 250 рублей считать закрепленными за Главнаукой (музей-монастырь – *А.А. Пашков*), как имеющих историческое и музейное значение, п. 2. Вторую часть имущества на сумму 36 975 руб. согласно прилагаемой описи, передать подотделу Г.З.И. Шадринского ОкрЗУ с занесением в инвентарные книги Г.З.И.

В очередном отчете на 1 июля 1926 г. заведующий музеем-монастырем И.А. Иванча сообщает в Научное хранилище, что музей местного края основан в мае 1921 г. со штатом два человека и состоял на Губернском бюджете до октября 1922 г., для публики открыт не был. С 28 сентября 1922 г. переименован в музей-монастырь с переводом на хозяйственный расчет, «но хозяйственный расчет музея до сих пор не признается местными властями и несмотря на закрепление ЦМК имущества б. монастыря за музеем окружная власть старается отнять у него источники дохода». А доход музея складывался: от эксплуатации зданий (аренда) 180 руб., от земельных угодий – 150 руб. Итого 330 руб. Расход: на ремонт зданий – 25 руб., ремонт и приобретение инвентаря – 15 руб., уход за землей и посев – 50 руб., зарплата заведующему – 240 руб. Итого 330 руб. В музейных целях (для расположения мелких экспонатов) использовались придельная (№ 3) церковь и здание № 7 (прилагался план), из архитектурных памятников – монастырские стены и Успенский собор (№ 1). «За истекшее время с 1 октября по 1 мая ввиду отсутствия топлива, музей для публики был закрыт», с 1 мая по 1 июля музей посетило 4395 человек, проведено 8 экскурсий – 322 человека. Церкви сдаются в аренду общине верующих. Вывозов имущества из монастыря не было, за исключением увоза Шадринским Научным хранилищем архива монастыря в 1920 г., т.е. до открытия музея и 7 предметов церковного обихода». Экспонатов по церковному отделу имелось: икон – 176 (кроме 20 иконостасов), шитья – 1204, утвари – 189, книг богослужебных и религиозных 8665, портретов духовных лиц – 19.

Заведующий музеем-монастырем И.А. Иванча в переписке с музейным отделом Главнауки, жалуясь на местные власти, на их беззаконие, писал, что осталась всего одна старая церковь да один дом, да и то под сомнением – церковь требует ремонта. Президиум Далматовского райисполкома постановил просить Главнауку на реализацию части культового имущества

для ремонта здания и содержания зав. музеем за 1928-1929 годы. Была составлена смета на ремонт здания (481 руб. 64 коп.) и опись культового имущества, предназначенного к реализации. Опись включала следующее имущество: ризы – 17 шт., стихари – 16 шт., одежда с престола – 1, подрясники – 31, завесы – 11, шелковых платков разного цвета – 15, шалей кашемировых – 4, перекид – 3, подрясник – 5, стихарь – 2, подризник – 1, пелена – 1, завеса – 1, юбка – 1, иконостас деревянный Скорбященской церкви – 3. Всего на сумму 959 рублей. Подписали акт представитель РИКа Лопатин и зав. музеем Иванча.

Нуждались в ремонте и другие постройки монастыря. 1 сентября 1928 года Президиум Шадринского Окружного Исполкома на своем заседании постановил: *«Принимая во внимание, что группа верующих обновленческого толка в числе 218 граждан имевшая в пользовании летний храм известный под названием «Скорбященской церкви» в бывшем Далматовском монастыре от производства потребного ремонта отказались, в связи с чем договор с указанной группой Далматовским РИКом расторгнут на основании инструкции НКЮ и НКВД от 19/VI 1923 года, что Далматовским РИКом была произведена публикация с предложением взять в бесплатное пользование церковь при условии производства необходимого ремонта, на что никаких заявлений со стороны верующих не поступало, что в с. Далматовском из 5000 человек населения в религиозных общинах состоит только 362 человека, для удовлетворения религиозных запросов которых остается еще 3 церкви вместительностью 2300 человек, что в с. Далматовском совершенно отсутствуют помещения пригодные для удовлетворения массовых запросов населения в области культурной работы, о чем свидетельствуют постановления общего собрания граждан селения и местных профессиональных организаций, что в случае передачи здания церкви под культурно-просветительные нужды возможность переделки здания обеспечена спец. средствами, что сохранение Скорбященской церкви за Главнаукой нецелесообразно, поскольку церковь построена сравнительно недавно (1870 г.) и после этого капитально перестраивалась и следовательно она не имеет археологического и художественного памятника. На основании произведенных мотивов признать ходатайство Далматовского райисполкома вполне обоснованным и подтвердить перед Уралсоветом о необходимости закрытия церкви, ходатайствуя одновременно о передаче здания церкви Далматовским культурно-просветительным органам для перестройки ее под Народный Дом, после устранения в здании внешних и внутренних специфических признаков культа».*

Для того, чтобы устранить внутренние и внешние специфические признаки культа, власти направили в монастырь неокрепшую духовно молодежь. Референт Курганского Епархиального управления Б. Карсонов опубликовал в газете «Курган и Курганцы», № 142 воспоминания Степаниды Матвеевны Акуловой: *«Прилетел посыльный из сельсовета, кричит, срочно! Думаю, что такое, ай война, ай что. Прибегла, а там уж собрались наши*

комсомольцы. Жила-то я тогда на Старом Просвете. Секретарь нам говорит: особое задание – монастырь зорить!.. И вот вшестером мы в Далматове. Боже мой, что я там насмотрелась! Костры, костры! А народу, народу! Кому-то прямо из огня что-либо удастся выхватить, кому тайком, пока несешь, сунешь под пиджак иконку. Плакали люди, ругали нас антихристами и вообще поносили всякими словами. Ну, а мы что, глупые девчонки». Еще одно свидетельство жительницы с. Широкова приводит Б. Карсонов: «О том, что зорят монастырь в селе узнали от почтальона. Она побегла туда с подругами... Ворота святой обители были распахнуты настежь. Подле часовенки у Успенского собора жарко горел костер, а над ним со страшными всполохами завивались и крутились черными змеями сгустки едкого аспидного дыма (горела олифа икон). Весело распорядились какие-то люди.., кто-то пел песни, кто-то тащил и бросал в костер все, что можно было притащить и бросить: тяжелые книги в толстых досках и застезжках, покореженные киоты, хоругви, аналои с кусками вырванной парчи, сундуки, коробки... Но более всего высокой грудой, густо сыпались в костер иконы... Жгли, превращая в пепел «поповскую заразу – опиум народа», чтобы и духа не осталось...».

13 января 1929 года Шадринская «Крестьянская газета» поместила заметку «Церковь под Нардом»: «В Далматове 1 января состоялось торжественное открытие народного дома, устроенного в бывшей церкви монастыря. Публики было полно. Даже старухи не удержались, чтобы не прийти на это торжество. Население довольно, что пустовавшая церковь, наконец, использована. М. Ив.».

К лету 1928 г. положение заведующего музеем-монастырем И.А. Иванча резко ухудшилось, травля его в печати и административным путем дошла до объявления его контрреволюционером. В 1930 г. он был арестован. Единственный на Урале музей-монастырь прекратил свое существование, а архитектурный ансамбль подвергся разрушению. В этом году с собора и церкви снесли купола»¹.

¹ Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. – Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 2000, с. 188-200.